

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ

Родился в Курске в 1954 году. Российский учёный, доктор культуры, профессор, действительный член РАО, член-корреспондент РАН. Ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Лауреат премий Правительства Российской Федерации и Правительства Санкт-Петербурга в области образования, а также Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии и Украины. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Заслуженный деятель науки России. Живёт в Санкт-Петербурге.

БУДЕМ ПОМНИТЬ!

Борис Львович Васильев на протяжении многих лет был добрым другом Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Он бывал у нас, любил молодежь, и любовь эта была взаимной.

В 90-е люди, увы, стали меньше читать, чем в советское время. Ухудшилась школьная подготовка. И по некоторым студентам это чувствовалось. Уже не все школьники, пришедшие на университетскую скамью, могли оценить личность писателя до встреч с ним. Но с первых минут общения ощутили масштаб его личности.

Выдающийся писатель, бесконечно далекий от жажды восторгов и аплодисментов, равнодушный к «медным трубам», Борис Львович все время был обращен душой к стране, к людям. Его искренность, страстность никого не оставляла равнодушным. Казалось, его устами, его сердцем говорит с залом сама Совесть, не покинувшая Россию на очередном сложном переломе ее истории.

В последние годы жизни писатель часто болел, но и в это время его не охватило равнодушие, безразличие к другим людям. К нему всегда можно было обратиться за советом, помощью и получить поддержку. В довольно преклонные годы Борис Львович охотно откликнулся на мою просьбу - написать вступительное слово к книге о нашем первом почетном докторе Дмитрие Сергеевиче Лихачеве, подарил нашему коллективу удивительное тепло личных бесед. Тексты выступлений Васильева включены издательством СПбГУП в ряд университетских книг.

Сегодня представляется уместным предложить читателям материалы встречи Б.Л.Васильева 12 марта 1999 года с преподавателями и студентами в Большом театральном зале СПбГУП. Зал, вмещающий около 700 человек, в тот день «расширился» примерно до тысячи, и участники не обманулись в своих ожиданиях. Впрочем, читатели могут составить об этой беседе собственное мнение.

А мы будем хранить в памяти и голос Бориса Львовича, и его образ, пронизанный светлой духовностью великой российской литературы. Будем помнить.

РОССИЯ НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ ОЩУЩЕНИЯ ЗАДАЧИ

ВСТРЕЧА В БОЛЬШОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Санкт-Петербургский Гуманитарный

университет профсоюзов

12 марта 1999 года

- Я очень много раз бывал в Ленинграде, а вот в Петербурге впервые, и для меня эта поездка была настолько значительной и так много обещающей, что я, несколько наплевав на состояние своего здоровья, все-таки приехал и не жалею об этом. До встречи с вами я успел кое-где побывать, и два момента убедили меня в том, что Петербург вновь постепенно становится Петербургом. Сейчас поясню, в чем дело. В советские времена, в ту эпоху, когда этот город назывался Ленинградом, я ходил вокруг забора возле

храма Спаса-на-Крови. Он был на каком-то вечном ремонте, и мне попасть внутрь никогда не удавалось. А сегодня я туда вошел и увидел булыжники, изъятые из того места, где упал смертельно раненный государь Александр II. Я отнюдь не монархист, но, по моему глубокому убеждению, именно тогда был затоптан первый зеленый росток хорошего, доброго будущего свободной России. Вот к чему приводит экстремизм.

Почему я говорю об Александре II? Потому что мы о нем молчим. Мы очень много говорим о Петре Великом (по праву, не спору), но давайте задумаемся, почему Петру Великому в Москве, где он родился и крестился, где был коронован и женился, так и не поставили ни одного памятника. Потому что память о 9 тысячах зарезанных на Красной площади стрельцах запрещала, по канонам русской нравственности того времени, ставить ему памятник. Я говорю все это не потому, что плохо отношусь к Петру, но поймите меня правильно: за той огромной хрестоматийной фигурой, в которой нам скорее видится герой, прекрасно сыгранный Николаем Симоновым, чем реальный Петр, мы забыли единственного на-

стоящего интеллигента из всех государей России - Александра Николаевича, Александра II.

А ведь именно Александр II провел решающую реформу в России, отменив тысячелетнее рабство в этой стране; он выстроил целую серию реформ, не штопающих экономические дыры, не еще раз латающих тришкин кафтан экономики. Его реформы имели цель стратегическую: он предложил реформы юридического характера в судопроизводстве, и в результате их проведения Россия получила суд, которого не знала Европа в те времена. Это был передовой суд, с присяжными, с презумпцией невиновности в обязательном порядке, с состязательностью сторон - всё то, чего мы сегодня никак получить не можем. Он предложил реформу образования, которую мы скомкали и отбросили, а ведь реформа была до конца продуманной. Разве может такое государство, как Россия, воспитанное на литературе, на истории, на традициях гуманитарных, существовать без специально подготовленных гуманитариев? Нет, не может. Поэтому первым пунктом реформ Александром II были предложены гимназии, которые давали обширное гуманитарное образование, гораздо более фундаментальное, чем в сегодняшней российской школе. Могла ли растущая промышленность развиваться без инженеров и техников? Нет. Значит, нужно открывать реальные училища. Можно ли обойтись без грамотных, толковых офицеров? Нет. Значит, нужны кадетские корпуса. Могла ли страна обойтись без растущего рынка, который уже реально существовал в то время, и его значение возрастало? Нет. Значит, нужны коммерческие училища. Всё это реформа предусматривала.

Но почему-то мы об этом не вспоминаем. Не по той ли причине, что нам очень не хочется думать, за счет чего удавались Александру II его реформы, какие силы его поддерживали? А ведь его реально поддерживала русская интеллигенция, прекрасно понимающая, что Россия уже в тупике. Царь к ней прислушивался и многое делал с ее помощью. К сожалению, и до Александра II Россия не имела такой власти, и после него она таковой не получила. Русскую интеллигенцию, не только прошлую, не только советскую, но и настоящую никакая власть в упор не замечала и не замечает, а ведь интеллигенция не просто мозг нации, это дрожжи нации, а это куда больше, чем мозг. Я надеюсь, что сидящие пере-

до мной молодые люди, которые займутся в третьем тысячелетии серьезным делом, найдут в себе силы вспомнить одну эпиграмму. Она была написана 100 лет назад Гиляровским:

*У нас в России две напасти:
Внизу - власть тьмы, вверху -
тьма власти.*

Задача интеллигенции - бороться с тьмой там и там, нести факел нравственности и вниз, и вверх. Только тогда Россия воскреснет, только тогда она вспомнит, что она сильная держава, и не потому, что у нее атомные боеголовки, а потому, что у нее есть великая нравственность.

Мы ведь очень странное государство, своего рода «пограничники»: мы находимся между суперкультурным материком на Востоке и суперкультурным материком на Западе. Мы, как губка, впитывали в себя с двух сторон обе культуры и жили в состоянии постоянной пограничной тревоги, которая и рождает у нас поиск врагов до сей поры, потому что мы привыкли реагировать и на запад, и на восток, и на юг. Ничего не поделаешь, такова историческая судьба нашей с вами Родины. Но кажется мне, что величие России в том, что у россиян (пожалуй, единственных в мире) ощущение долга, того, что необходимо сделать, во имя чего следует жить, существенно превышает ощущение дня сегодняшнего. Да бог с ним, с днем сегодняшним, надо думать, что завтра будем делать, какой у нас долг неоплатный перед Отечеством нашим. А вот тут как раз и заключается, с моей точки зрения, зримая гибель наших реформ.

Дело в том, что, к сожалению, те уважаемые мною люди, профессионалы, которые приходили к власти (и до сей поры приходят), почему-то освещают корму и рубят связи с прошлым, вместо того чтобы светить вперед и видеть, куда же мы плывем и к чему именно стремимся. Россия не может жить без ощущения задачи, не может. Не обязательно строить социализм, но без четкого определения задачи, я боюсь, у нас никакого единения не будет никогда.

И, наконец, последнее, что я хотел вам сказать. Я верю, что перемелется - мука будет, из которой можно, как говорил Плеха-

нов, «испечь добрый пирог демократии и социализма». Под социализмом он понимал социализм шведского характера. Я в это верю, но вас, гуманитариев, прошу помнить еще об одном: в России нет единого материка культуры, он не успел сложиться.

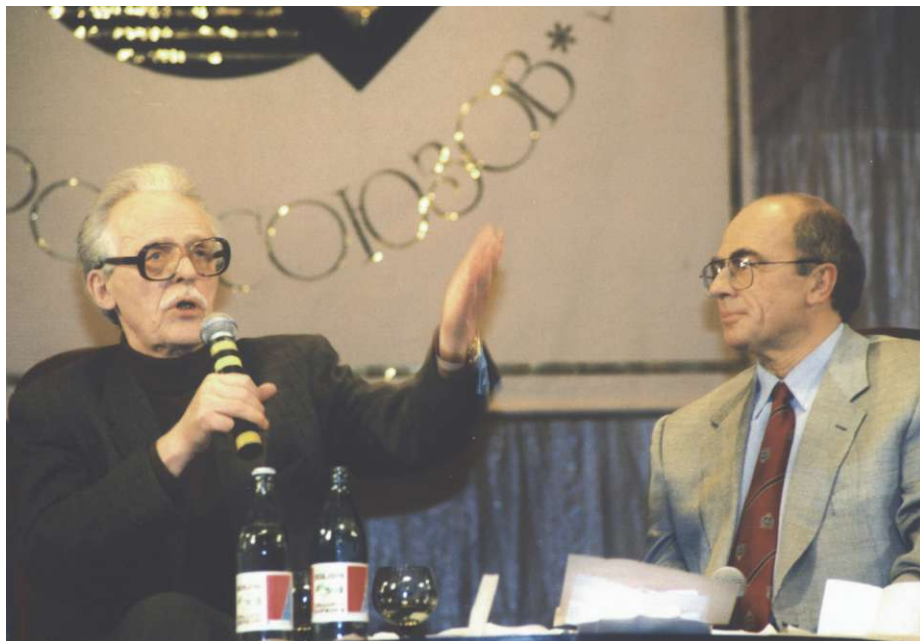
В 1861 году, когда в Лондоне пустили первое в мире метро, а американские волонтеры пошли освобождать негров на юг, было подписано «Уложение о прекращении рабства на Руси», всегонавсего. В то время в России существовали две сложившиеся культуры: массовая культура (христианско-деревенская) и культура менее массовая, но господствующая - культура дворянско-городская. При нормальном, буржуазном развитии государства произошло бы их естественное слияние (так как буржуазии неважно, дворянин вы или не дворянин; ей надо, чтобы голова была умной), и мы получили бы единый материк культуры. К сожалению, переворот в октябре 1917 года прервал естественное слияние этих культур, а в дальнейшем случилось непоправимое: стали «выращивать» новую культуру, новых людей под эту культуру и получили советского человека со всеми его достоинствами и недостатками. Сегодня для меня очевидно, что заметное преимущество все же у культуры деревенско-христианской. Подумайте сами: у нас сейчас забыто слово «нравственность». Оно не употребляется ни в печати, ни на телевидении, нигде. Что с нами случилось, решать придется вам. Мы натворили много хорошего и плохого, но уверяю вас - злодеев не было; мы хотели, как лучше, а получилось, как всегда.

А. С. Запесоцкий:

- *Борис Львович, Вы сказали о двух моментах, замеченных Вами в нашем городе, благодаря которым смогли убедиться, что город вновь становится Петербургом. Один - это, как я понимаю, открытие храма Спаса-на-Крови, а второй?*

- А второй - скульптура Михаила Михайловича Шемякина «Петр I», которая стоит в Петропавловской крепости. Она поразила меня, так как в ней я впервые увидел олицетворение гения и злодейства; оказалось, что эти вещи совместные. В изображении Петра очевиден нестандартный подход к фигуре прошлого. Я думаю, нам нужен такой подход, потому что иначе мы запутаемся в привычных клише. Появление этого памятника меня очень приятно

но удивило, потому что нужно смотреть истории в глаза спокойно, без страха, принимать ее такой, какой она была, и судить только по законам нравственности ее времени, а не своего.

*Борис Васильев на Университетских встречах в СПбГУП.
Ведет встречу ректор А.С. Запесоцкий (март, 1999)*

*Светлана Мусатова, студентка юридического факультета,
IV курс, Санкт-Петербург:*

- Борис Львович, Вы затронули в своем выступлении тему власти и нравственности. Как я поняла, Вы все-таки Петра I внутренне осуждаете за смерть 9 тысяч стрельцов. Сегодня многие наши сограждане осуждают М. С. Горбачева за то, что он не применял силу (хотя, конечно, он силу применял, но, как они считают, воровато, подленько так, не говоря об этом прямо). Скажем, занял бы он четкую позицию в Тбилиси по поводу сохранения Союза, страна была бы цела; занял бы он четкую позицию при захвате телебашины в Прибалтике - страна была бы цела. Другими словами, власть неотделима от необходимости приме-

нять силу, и во имя государственных интересов силу надо применять. Как Вы к такой точке зрения относитесь?

- Видите ли, я считаю развал Союза благом. Я тогда был народным депутатом, и мне, кроме того, еще пришлось руководить одной из палат - Палатой представителей. Меня попросили стать руководителем только для того, чтобы избрать нового председателя, но случилось так, что нет кворума, нет представителей Украины, а на Украине - съезд. Михаил Сергеевич не разрешил выбирать председателя без представителей Украины, и мне пять или шесть дней пришлось тянуть время, утверждать регламент, заниматься чем угодно, только не выбирать председателя, потому что Украина, а вслед за нею и Узбекистан, уже отказались участвовать в выборах.

Я хорошо помню то время. Вы не назовете ни одной республики, где тогда не было бы волнений. Все хотели самостоятельности и имели на это право конституционного характера. В Конституции записано, что каждая республика имеет право выхода из СССР по собственному желанию, и республики хотели получить эту возможность. Ничего преступного они не совершали, все было в рамках Конституции. Однако обстановка к тому времени накалилась до того, что было только два варианта: или мы спокойно разойдемся, или у нас будет такая гражданская война, от которой мир вздрогнет. Вооружен-то был каждый пятый в стране.

Я думаю, тогда всё было сделано верно; случившееся не означает, что мы не можем вновь каким-то путем соединиться, но на другой основе, на договорных условиях. Ведь при каждом первом секретаре в любой республике вторым секретарем обязательно был представитель ЦК из Москвы. Приятно быть грузином, когда у тебя второй секретарь - русский? Приятно быть армянином, когда второй секретарь - русский? Казахом, узбеком, украинцем, белорусом? Так что я считаю, как уже сказал, развал Союза благом, а не несчастьем.

Светлана Олейник, студентка факультета культуры, специальность - социально-культурная деятельность, I курс, г. Южно-Сахалинск:

- *Борис Львович, возможно, Ваши оппоненты сразу задали бы вопрос: допустим, конституционное право на выход из СССР бы-*

ло, но, может быть, его следовало бы реализовать как-то иначе? Народы республик пожелали отделиться, местные царьки пожелали быть президентами, а плата за это - страдание 25 миллионов русских в этих теперь уже самостоятельных странах. Как с этим быть?

- Вы понимаете, само по себе решение и его реализация на местах - это, в общем, вещи разные, и если даже решение мы признаем правильным, то его реализацию на местах правильной я признать никак не могу. Там была поспешность, скоропалительность, не было договоренности, потому что никто этим не занимался, ни с какой стороны интереса проявлено не было. Образно говоря, лежал перед нами огромный кит, у которого надо было успеть вырезать куски мяса, пока не поздно. Нравственности-то нет никакой, законов нет, все дозволено - валяйте, ребятки. Ведь мы же получили волю, но не доросли до свободы. Свобода - это осознанное пространство, огороженное законом, а воля - беспредельна, вот мы беспредельно и живем сейчас, потому что ни законов нет до сей поры, ни контроля за исполнением решений. И это происходит не потому, что Союз распался, а потому, что важнейшие моменты не были проработаны.

И еще одна вещь, с моей точки зрения, очень существенная. В любой цивилизованной стране президентом, премьером и даже министром никогда не бывает специалист, а всегда становится гуманитарий широкого профиля, человек, умеющий стратегически мыслить, а вот заместители у него - специалисты. Мы наделали столько ошибок именно потому, что приучены к простым и однозначным решениям. Ну чего проще - навести конституционный порядок в Чечне? Чем это обернулось, вы сами знаете...

Иван Голубовский, студент юридического факультета, I курс, г. Сургут:

- Можете ли Вы провести параллель между Великой Отечественной войной и войнами в Средней Азии и Чечне? Считаете ли Вы необходимым участие в них наших солдат?

- Нет, конечно! Дело в том, что наши солдаты как в Афганистане, так и в Чечне просто не понимали, за что им приходится умирать. За неизвестного им правителя, которого намереваются посадить в Кабуле? За какие-то разборки в Чечне? Недавно я видел

кариатуру в «Московском комсомольце», по-моему: были нарисованы два абсолютно одинаковых человека в одинаковой пятиугольной форме, которые друг у друга спрашивали: «Ты из каких формирований: бандитских или не бандитских?». Вся беда была в том, что чеченцам было за что умирать: у них Родину отнимали, и они превратили эту войну в свою отечественную, а нашим мальчишкам умирать было решительно не за что.

А. С. Запесоцкий (читает записку):

- *Борис Львович, крайне интересно услышать Ваше мнение о том, в каких формах может выразиться участие России в решении югославских проблем.*

- С моей точки зрения, только в форме консультаций, переговоров, дипломатического присутствия, дипломатического нажима на стороны, если угодно, но только дипломатического. Бряцать оружием нам не следует по двум причинам. Причина первая: оно у нас ржавое, прямо скажем, на ладан дышит, нечем хвастаться. И второе: нам следует занять нишу, которую и должна была бы занять великая гуманитарная, нравственная держава, то есть нишу переговоров, а не угроз, не кулаков. Этот мир должен существовать только на базе переговоров. Любые военные конфликты - это болезнь.

Ирина Ижбердева, студентка факультета искусств, специальность - звукорежиссура, I курс, г. Приморск:

- *Почему Вы в свое время решили заняться политикой и почему прекратили?*

- Скажу вам откровенно, была у всех нас, в то время людей уже довольно зрелого возраста, некая эйфория, когда казалось, что совсем скоро мы изменим наше государство к лучшему, все это поймут и будут приветствовать. Мы перепутали шестидесятников с движением, а это была просто-напросто фронда (позднее я в этом убедился). У них не было ни цели, ни задачи, было лишь ворчанье по углам. Но на базе этого невозможно создать никакой демократической партии. Она и не была создана, потому что фрондерствующие бароны немедленно разошлись по своим квартирам, и каждый тянет одеяло на себя. У кого-нибудь из них есть программа? Ни у кого, потому что фронда не имеет программы. Программа есть только у компартии, к сожалению, но возврата к старому нам

не надо; это очень опасно прежде всего гражданской войной, которую мы уже не вынесем.

Денис Нечаев, студент экономического факультета, II курс, Санкт-Петербург:

- Борис Львович, так Вы занялись политикой по ошибке?

- Да нет, наверное. Я неистово хотел, чтобы была отменена шестая статья Конституции, которая лично меня унижала, хотя я был членом партии (не нужна мне эта власть в такой форме); чтобы у нас были справедливые суды, чтобы не было телефонного права, чтобы не было чиновничьего наглого аппарата. Все это, наверное, и явилось причиной моего прихода в политику. А ушел, потому что обнаружил, что я не политик. Политика - это умение не говорить правду, а я как думаю, так и говорю. Поэтому не вписался во всю эту новую историю и добровольно ушел в сторону, хотя получил массу приглашений от новых, уже российских структур. В конечном итоге дело писателя - писать.

Екатерина Капустина, студентка юридического факультета, II курс, Санкт-Петербург:

- Вы, как и подавляющее большинство советских людей, состояли в партии. Изменились ли Ваши политические убеждения после 1991 года и как, если изменились, конечно?

- Они изменились у меня в 1989 году. Тогда народных депутатов выбирали по различным группам населения: Союз кинематографистов отдельно, Союз писателей отдельно, Союз архитекторов отдельно и так далее. Я в то время был в Союзе кинематографистов, который тогда был мне как-то ближе Союзу писателей. В марте мы стали выбирать 10 человек, и, так сказать, бес меня толкнул в ребро, и я был избран. Мы получили временные мандаты народных депутатов СССР, и тут случилась трагедия в Тбилиси. До нас с трудом через Ереван дозванивались наши кинематографисты из Тбилиси и говорили: «Приезжайте кто-нибудь, потому что мы в полной блокаде». И мы с Егором Яковлевым, редактором «Общей газеты», поехали. Это была трудная поездка. Но самое главное - мы туда попали на похороны. Хоронили убитых, раздавленных девочек-девятиклассниц, беременную женщину, двух сестер - всего 22 убитых, из них 17 женщин и девочек. Я вошел в состав комиссии по расследованию тбилисской трагедии, и

хотя не хотели меня туда пускать, но после криков, шумов и скандалов я все-таки пробился. Комиссию возглавлял А.А. Собчак, с которым мы очень долго работали над тайной тбилисских событий. Тайна эта и сейчас не до конца разгадана, но не в этом суть. Суть в том, что под нашим общим заключением подписались 24 человека, вся наша комиссия, ни у кого не было отдельного мнения. Это был замечательный случай в практике депутатских комиссий, но там мне пришлось столкнуться с партийным аппаратом. Я наслушался столько лжи и обмана, что, приехав из Тбилиси в 1989 году, положил в конверт свой партийный билет, хотя 39 лет состоял в компартии, и сдал его на основании пункта добровольного отказа, поскольку не разделяю больше программы этой партии.

Ирина Литовская, студентка факультета искусств, специальность - режиссура (мультимедиа), I курс, Санкт-Петербург:

- У Вас даже в названиях произведений постоянно мелькают христианские мотивы, переработанные библейские цитаты. Верующий ли Вы, и если верующий, то во что?

- Я верю в человека больше, чем в Бога. Наверное, Бога надо постичь, познать. Дело в том, что я из семьи атеистов: мой дед со стороны матери учился в Технологическом институте, отец сидел в «Крестах», потом его сослали под надзор родителей, потому что он был одним из основателей кружка чайковцев, вероятно, знакомого вам из истории. Алексеев Иван Иванович - это мой дед. Народник не мог быть верующим человеком, это естественно. Кроме того, отец у меня не только командир Красной армии, он еще и царский офицер, воевавший в Первую мировую войну. Очень трудно было сочетать все это с божеской заповедью «не убий». Если все это совместить, получится ложь. И поэтому я вырос в семье атеистической, хотя и крещен, но это не суть важно. Важно то, что я очень верю в человека. Понимаю, что церковь нужна, особенно на современном этапе нашего развития; нужна как бесстрастный терапевт, как помощник. Но это совсем не означает, что я вдруг, надев торопливо крестик, побегу в храм, как побежали очень многие вчерашние коммунисты. Это суеверие, а не вера, Бога надо постичь в душе своей, почувствовать в нем потребность, вот тогда можно и веровать. А коли ты этой потребности не чувствуешь, так нечего тебе делать в храме Божьем.

Елизавета Ускова, студентка юридического факультета, V курс, Санкт-Петербург:

- Не могли бы Вы выразить свое мнение о проблеме антисемитизма?

- Видите ли, это одна из наиболее неприятных, страшных по возможным результатам проблем. Россия в конце прошлого века (имеется в виду XIX век - *ред.*) в известной мере ликвидировала социальный антисемитизм, который в ней существовал, простым решением того же самого императора Александра II. Он разрешил евреям учиться в высших учебных заведениях. Но в то же время это породило и вспышку антисемитизма. Я сейчас поясню свою мысль. Евреи две тысячи лет назад потеряли родину, земли обетованные, две тысячи лет это был гонимый народ, его унижали, презирали, гнали из всех стран Европы. Он выжил, но это было трудно. Евреям запрещали учиться, а среди них не было ни одного неграмотного, им запрещали осваивать ряд профессий, но они нашли свои ниши; ни о какой конкуренции речи быть не могло: евреи, получившие образование и привыкшие хорошо работать, стали делать товары лучше. Произошел естественный, по Дарвину, отбор: выжили самые энергичные, и к концу прошлого века евреи оказались одной из самых пассионарных наций Земли.

Но если смотреть правде в глаза, та же самая история произошла, скажем, с кавказцами. Совсем недавно эти люди были постоянными героями наших фильмов, это были образцы мужества, веселости, гостеприимства, а потом вдруг стали «лицами кавказской национальности». Почему? Да потому, что у них никогда не было крепостного права, и они шустрые ребята, дружные. Они не боялись риска и захватили наши рынки, пока мы чесали затылки и думали, как это можно сделать. И нам стало очень обидно.

Антисемитизм - следствие человеческой зависти, черной зависти, гнилого, гнусного чувства, очень опасного, потому что у нас много желающих найти врагов: с ними легче, с ними привычнее. Мы - страна простых решений и не умеем думать дальше первого шага в большинстве своем, поэтому без врагов нам неуютно живется. Когда есть враг - все понятно: это же он, стервец, натворил, и в этом всё дело.

Анатолий Гончаренко, студент факультета искусств, специальность - звукорежиссура, III курс, г. Еманжелинск-2 Челябинской обл.:

- *Расскажите, пожалуйста, какой-нибудь курьезный случай из Вашей жизни. Какой эпизод или случай во время учебы в Академии бронетанковых войск Вам запомнился?*

- Вы знаете, мне очень трудно сейчас вспомнить, но один случай я могу, пожалуй, рассказать. Я учился на единственном курсе в Академии, где вместе с нами учились девушки, потому что еще шла война и парней не хватало. Как-то проходили боевые стрельбы. И была у нас одна девушка, младший лейтенант, маленького росточка, и почему-то вызвали ее сделать первый выстрел. А танк - здоровенная махина. Она забралась туда, закрыла люк; громыхнул выстрел, а потом люк распахнулся, и она вылезла вся чумазая. Тут все повалились от хохота, потому что она забыла включить вентилятор, выстрелила, газы, естественно, ударили ей в лицо, она слетела с сиденья, схватилась рукой за раскаленную гильзу и вылезла из танка в слезах не потому, что испугалась, а просто от дыма. Это была моя жена, с которой я счастливо прожил 53 года и надеюсь еще пожить.

Валентина Кочемаева, студентка факультета культуры, специальность - социально-культурная деятельность, I курс, г. Южно-Сахалинск:

- *А когда Вы уже стали солидным человеком, лауреатом Государственной премии, признанным мэтром российской словесности, были какие-нибудь курьезы?*

- Был один курьез, когда совершенно неожиданно мне присвоили звание действительного члена Российской академии естественных наук; вручили диплом, удостоверение, поздравили и попросили сказать несколько слов, предупредив, что телевидение снимает. Я сказал: «Вы сделали большой подарок моей покойной маме: она сейчас, наверно, там, на небесах, смеется: наконец-то этот троечник стал академиком».

Сергей Хаустов, студент факультета искусств, специальность - звукорежиссура, II курс, г. Кайеркан:

- *Можете ли Вы рассказать о том, как Вы выходили из окружения, и было ли предательство причиной этих страшных страниц войны?*

- Вы знаете, я сейчас задумался: что имеется в виду под предательством? Выходил я из окружения дважды. 8 июля 1941 года я прибыл на фронт под город Красный в Смоленской области, и это было хорошо, потому что я сам смолянин и к тому времени отец меня научил ориентироваться; я знал, где что находится, и, в общем, меня это и спасло. 12 июля немцы неожиданно прорвали фронт, и мы оказались в окружении. Я вышел с восемью бойцами. Мы добрались до Смоленска через печальной памяти Катынь и там рухнули на мостовую от усталости и голода. Под утро меня растолкали и спросили: «Ты привез бойцов?». Я спросонья кивнул головой. «Иди, получи на них продукты и оружие». Потом было второе окружение, когда мы уже оставили Смоленск, и под Ярцевом немцы нас отрезали. Молодой лейтенант спросил меня: «Куда будем выходить?». Я ответил: «Надо идти на юг, потому что на север не пройдем, на запад тоже, немцы очень плотно стоят». И мы пошли на юг. Выходили мы долго и видели, что в лесах стояли брошенные машины с боеприпасами, валялось оружие, лежал застрелившийся майор, я у него из руки пистолет вынул. Было ли предательство, не знаю. И не знаю, как можно было иначе, поодиночке, выйти оттуда. Нас было человек, наверное, 40 уже, когда мы вышли к станции Глинка. На наше счастье, там немцы делали разведку боем, и мы совершенно неожиданно на них вылетели сзади; они несколько растерялись, и мы сумели проскочить к своим. Могу только сказать, что я до сей поры не могу есть масло и никогда его не ем.

Сергей Хаустов: - А почему?

- Мы очень голодали и однажды нашли машину, в которой лежали какие-то странные ящики. Машина была наша, русская. Мы ящик разломали, а там - масло. Мы накнулись на это масло, набили себе котелки, наелись так, что с той поры я масло есть не могу.

Александр Меледин, студент юридического факультета, II курс, Санкт-Петербург:

- Борис Львович, что Вас заставляло не прятаться на каком-нибудь хуторе, а пробиваться назад, почему Вы оружие не бросили?

- Оружие я, к сожалению, утопил, потому что либо я, либо оружие, других вариантов не было. И я утопил оружие, но сохранил комсомольский билет, зашил его в пилотку вместе со справкой, что я боец истребительного отряда. Поэтому, когда мы вышли к своим, меня вызвали на второй день, и я показал документы, сказал, что моя мама в Воронеже, а отец на фронте. Меня хотели сразу же посадить в поезд и отправить к маме, но я сказал: «Нет, я выходил не для того, чтобы к маме ехать; все равно ведь призовете меня через год, а я опыт имею. Я уже знаю, как от них бегать, это тоже немаловажно». Конечно, никаких особых подвигов в этом окружении не совершалось и быть не могло, но предательства тоже не было. Не знаю, что вы имеете в виду.

Мария Грачева, студентка юридического факультета, III курс, Санкт-Петербург:

- Скажите, пожалуйста, каков Ваш жизненный девиз?

- Я не боюсь жить, что бы ни случилось, потому что я работаю, у меня есть цель и задача. И никогда ничего не просил и просить не буду, потому что мне еще в детстве внушили, что бедность - это не унижительно, но унижительно просить, нищенство унижительно. Я, наверное, человек счастливый, так как занимаюсь любимым делом и за это мне еще иногда платят деньги. Это редкое счастье, ребята. Всю жизнь я мечтал быть историком и сейчас не пишу современных романов просто потому, что сам живу в этом времени, и у меня нет возможности судить о нем беспристрастно.

Р. Б. Громадский, декан факультета искусств, профессор СПбГУП:

- Борис Львович, Вы действительно счастливый человек, поскольку очень многие Ваши литературные произведения либо экранизированы, либо инсценированы. Как Вы относились и относитесь к фильмам и спектаклям по Вашим произведениям?

- Спасибо Вам за этот вопрос. Я всегда без всяких колебаний отдавал свои произведения в руки хороших режиссеров (во всяком случае, старался отдавать, если они хотели ставить) и не вникал в какие-либо специфические вопросы. Там есть свои собственные способы выражения.

Меня приятно удивила картина «Завтра была война». Это очень короткая новелла. Как-то мне позвонил утром Юрий Кара,

выпускник ВГИКа, и попросил посмотреть его дипломную работу. Иногда ребята меня просили смотреть дипломные работы. Но я был тогда очень занят и сказал: «Юра, милый, ну какая там дипломная работа». Он говорит: «Борис Львович, вы понимаете, все дело в том, что я поставил "Завтра была война". Я: «Что, четыре части?». Он: «Нет, десять». Я говорю: «Как десять?». А он отвечает: «Десять». На следующий день я приехал во ВГИК, посмотрел эту картину, причем показывали ее не во ВГИКе, а на студии им. М. Горького в самом большом зале, и народу было очень много. Должен вам сказать, что я ревел. Да, и над собственным вымыслом иногда обливаешься слезами, это со мной бывает. Вообще-то меня трудно заставить плакать, но от какой-нибудь строчки, от актерской игры слезы не надо сдерживать, это святые слезы. И я спросил: «Ну как это ты, Юрка, поставил за 50 000 полнометражную картину?». Он говорит: «А я всем актерам, которых заранее наметил на роли, дал прочитать Вашу повесть, а уж потом стал спрашивать, не согласятся ли они сыграть в ней роль, и все говорили, что сыграли бы с удовольствием. Тогда я признался, что не заплачу за работу, потому что я студент. Но никто не отказался, все сыграли». Потом картина была принята, и это второй случай в истории ВГИКа, когда дипломная работа вышла на широкий экран. Говорю это просто потому, что встречаются иногда режиссеры, которые решают снимать фильмы по моим произведениям, и так это делают, что результат становится открытием для меня самого.

Вера Сенкевич, студентка факультета культуры, специальность - социально-культурная деятельность, III курс, Санкт-Петербург:

- Борис Львович, скажите, пожалуйста, какое Ваше произведение, на Ваш взгляд, самое лучшее, наиболее удачное?

- На этот вопрос трудно ответить. Могу сказать только одно: последнее, что я писал с восторгом, - это был исторический роман «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт». Я писал его с куражом в душе, мне было интересно его писать. Вам оценивать, хорошо у меня это получилось или плохо, но мне это было интересно. Так же интересно мне было когда-то писать «А зори здесь тихие...» и очень многие другие произведения. Я всегда надеюсь на собственный кураж.

Янина Семибратова, студентка факультета искусств, специальность - искусствоведение, II курс, Санкт-Петербург:

- Скажите, пожалуйста, какая, на Ваш взгляд, самая удачная актерская работа в картине «А зори здесь тихие...» и какая не самая удачная?

- Я думаю, что самая удачная роль у Оли Остроумовой. Это мое мнение, оно может быть оспорено; самая неудачная - трудно сказать, но я был крайне удивлен исполнителем роли героя, потому что более неумелого парня, пришедшего на пробу, я никогда не видел. Андрей всю жизнь играл в ТЮЗе ежей, зайцев, а тут вдруг - главная роль, Васкова сыграть надо. Лицо-то у него русское, курносый, глаза широко поставлены, замечательный человек. И он очень хорошо репетировал, а когда пришел на площадку и услышал «Мотор!», то сначала окаменел, а потом стал дергать руками и орать так, чтобы в последнем ряду было всем ясно, что он заяц, и все разрушилось. И директор посмотрел и сказал: «Стас, его нельзя ставить в картину, он тебе все испортит». Стас сказал: «Хорошо, будем искать», и вызывал в течение месяца каждый день Андриюшу на студию. И была команда «Мотор!», и Андрей работал, но только он не знал, что в камере нет пленки; так продолжалось до тех пор, пока у него не стало получаться, как нужно. Вот так режиссер, если он поверил в актера, может «вытащить из него» самое главное, если это, конечно, хороший режиссер и хороший актер.

Полина Тихонова, студентка факультета искусств, специальность - режиссура (мультимедиа), I курс, Санкт-Петербург:

- А что Вы думаете о постановке спектакля «А зори здесь тихие...» на Таганке?

- Это была лучшая постановка спектакля «А зори здесь тихие...», которую я видел, действительно лучшая. Я много смотрел спектаклей по этому произведению. Не было театра, который его бы ни поставил, но такое событие, каким стал спектакль Юрия Любимова, я просто не могу ни с чем сравнить. Юрий Петрович Любимов совершил чудо. Надо сказать, что он очень властный мэтр. Он требовал, чтобы я присутствовал на репетициях; два месяца он репетировал, и два месяца я сидел рядом с ним. И вдруг однажды он неожиданно потребовал исключить из спектакля ог-

ромный кусок текста. Я возмутился, мы с ним поругались, я куда-то ушел, потом уехал домой, страшно расстроенный. А через два дня мне позвонила его секретарь и сказала: «Борис Львович, приезжайте немедленно на репетицию». Я приехал, и он показал мне спектакль, который был поставлен в одном действии. И это было замечательно. Он понял, что перерыв в этом спектакле делать нельзя, потому что зритель в антракте пойдет пиво пить и ракета зрительского внимания не взлетит. Любимов - грандиозный режиссер, прекрасно знающий зрителя, понимающий его и делающий все для того, чтобы зритель проникся спектаклем. Помню, какая могильная тишина стояла после того, как кончился спектакль. Была пауза мертвой тишины. И это - настоящее восприятие искусства, когда актеры уже закончили играть, а зритель все еще не может избавиться от эмоций. Это был замечательный спектакль, жалко, что его не записали на пленку.

Маргарита Морозова, студентка факультета искусств, специальность - искусствоведение, II курс, Санкт-Петербург:

- *А как вообще возник замысел повести «А зори здесь тихие...»?*

- Я очень многие свои сочинения написал как бы в знак протеста; я вообще человек протестный, это у меня есть. Мне страшно нравилась так называемая «лейтенантская проза» (вы прекрасно понимаете, что имеется в виду под этим названием), потому что ее авторы - мои ровесники, которые прошли фронт и писали то, что они видели, писали правду. Я читал и Бакланова, и Бондарева, и Кондратьева, и Богомолова, и Быкова, читал их запоем, но потом во мне вдруг возник некий протест. Это была не та война, которую знал я. Это была война с танками, с тылами, с обеспечением атак, с ударной мощью, со штабами, но моя-то война была в перестрелках с немцами, когда тыла никакого нет и любое ранение - это смерть. И мне очень захотелось рассказать об этой войне, которая тоже была и имеет право на то, чтобы о ней помнили и знали, рассказать о том, как трудно быть самим собой, когда ты можешь удрать, уйти, и никто тебе слова не скажет, но ты не уходишь. Вот почему появились «А зори здесь тихие...».

Юрий Лахин, студент экономического факультета, IV курс, г. Талнах Красноярского края:

- Как Вы считаете, может ли экранизация Вашего произведения передать всю его проблематику, весь Ваш замысел?

- По-моему, нет, надеюсь, что мой замысел несколько больше. Я, наверное, человек, зараженный кинематографом, но не столько потому, что люблю смотреть фильмы, сколько потому, что сам в кинематографе работал. Я принят в члены Союза кинематографистов в 1960 году, и для меня он стал родным. И сама работа там - процесс коллективный, и когда собираются вместе хороший режиссер и хорошая группа, то возникает невероятный азарт коллективного творчества; это случается не так часто, и для меня всегда было важным. Я с восторгом переживал этот энтузиазм, когда все, от режиссера до осветителя, хотят что-то сделать и работают в полную силу, маленькими капельками наполняя ту чашу, которая может оказаться искусством. Да, там будут кое-какие потери, но ведь мы столько говорили, что мы - читающая страна; я-то знал, что мы страна не читающая, а смотрящая. И это тоже имело свой смысл, мы остались смотрящей страной. Сожалею, что мы расстались с экранизациями и стали сочинять сами какие-то очень скверные сценарии, снимать еще более плохие фильмы, потому что экранизации нужны нам хотя бы для того, чтобы нести в массы представление о литературе. Кто заинтересуется, тот потом книжку найдет, а не заинтересуется - значит, ему хватило фильма. Нельзя от эмоционально неразвитого человека сразу требовать постижения литературы; так не бывает, к этому идут постепенно.

Лидия Почтарева, студентка факультета культуры, специальность - социально-культурная деятельность, III курс, Санкт-Петербург:

- Борис Львович, скажите, пожалуйста, герои Ваших книг - это люди реально существующие или же персонажи и ситуации, в которые они попадают, выдуманные?

- А вот теперь я признаюсь в одной совершенно неожиданно для меня сложившейся истории. Постараюсь быть очень кратким.

Из домашних разговоров я знал, что мой дед, мамин отец, и его многочисленные братья были участниками русско-турецкой войны на Балканах. И когда я задумался об интеллигенции, о ее судьбе в России (был у меня такой период в жизни, я очень хотел написать о русской интеллигенции, о наших общих истоках), то

вдруг вспомнил, что мне мама кое-что рассказывала, поехал к маме, стал расспрашивать о ее дядях и написал роман «Были и небыли». Этот роман формально о русско-турецкой войне, а на самом деле - о первой русской интеллигенции. А потом я подумал, что же будет с этой интеллигенцией через сто лет, и написал «Вам привет от бабы Леры», где рассказывалось о последней представительнице семейства Олексиных, которая возвращается из 17-летней ссылки и живет в пустом архангельском селе вместе со второй каторжанкой. Вот что стало с русской интеллигенцией.

Потом я подумал, что написал о дедах, но не написал об отце, и появился «Дом, который построил дед». Во всех этих произведениях действуют разные герои, но одной фамилии, из одной семьи. Девичья фамилия моей мамы Алексеева, но я не мог употребить эту фамилию по одной простой причине. Дело в том, что мой двоюродный дед, ее дядя Василий Иванович Алексеев, был учителем Сергея Львовича Толстого, дружил с Львом Николаевичем Толстым и спас его «Евангелие» для истории, потому что за ночь его переписал. Он - реальное лицо, и поэтому, если бы я сделал его героем романа, то должен был бы писать и о Льве Толстом. И тут наверняка возникли бы проблемы, потому что, если бы я, например, написал, «в четверг шел дождь», мне все толстововеды сказали бы: «Позвольте, в четверг был не дождь, а солнце», потому что они каждый час жизни Льва Николаевича Толстого знают, так как этим кормятся. И я фамилию изменил, чтобы не было никаких придирок с их стороны. И вот Олексины у меня прошли, а когда в «Новом мире» вышли «Были и небыли», мне позвонил Натан Эйдельман и сказал: «Почему ты о своем прапрапра не напишешь?». Я: «О каком прапрапра?». Он сообразил, что Олексин - это Алексеев (историки это очень быстро раскусывают) и посоветовал мне обратиться к пушкинистам и расспросить о Сашке Алексееве, поручике Псковского полка, приятеле Пушкина. И действительно, пушкинисты мне рассказали об этом поручике и даже назвали книги, где о нем написано. Да, оказалось, что мой прапрапра встречался, приятельствовал с Александром Сергеевичем. И мой роман «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» как раз об этом Сашке Олексине, Сашке Алексееве. Так у меня неожиданно сложился цикл, некая сага об Олексиных, о судьбе русской интелли-

генции за полтора года лет. «Вагриус» хотел издавать этот цикл в пяти томах, но помешали события 19 августа 91. Но это не главное. Важно, что такой цикл появился. И ощущение, что я что-то сделал, поверьте, приятное ощущение. Желая каждому пережить это в своей жизни, сделать что-то для тебя очень важное.

А. С. Запесоцкий (читает записку):

- Борис Львович, слово «интеллигенция» у Вас звучит довольно-таки часто, и Вы возвращаетесь к теме интеллигенции, да и сами уже стали, кстати, в определенной степени символом российской интеллигентности. В связи с этим вопрос: не кажется ли Вам, что интеллигенция исчерпала себя, современной интеллигенции просто нет? Современная интеллигенция, так называемые творческие союзы, выбивают для себя мастерские, дачи, льготы; о народе уже никто не думает, идут не в народ, а во власть. Способна ли наша интеллигенция, если все-таки таковая имеется, взять ответственность за происходящее и вывести Россию из беды, из пропасти?

- Первое, я хочу вам повторить: у нас победила в конечном итоге культура христианско-деревенская. Это нужно учитывать. Интеллигенцию предстоит создавать, потому что советская интеллигенция для роли руководителя народа, его дрожжей, его факела не подходит. Она слишком забита в прямом смысле этого слова (говорю это на основании личного опыта). Она сейчас унижена невероятно, не только потому, что не получает зарплату. Россия никогда не любила свою интеллигенцию по одной простой причине: она видела в интеллигенте господина, но - просто господина, а не барина. Если барина она уважала, потому что у него были и кнут, и пряник, то у господина ничего не было, кроме болтовни, с точки зрения народа. По-своему он прав. Интеллигенцию предстоит создать вам - вот ваша задача, и вы это сделаете.

Елена Бехер, студентка факультета культуры, специальность - социально-культурная деятельность, IV курс, г. Норильск:

- Уважаемый Борис Львович, мы согласны с Вами, что каждый русский интеллигент - личность, а личности не любят шагать в строю. Зачем же Вы, яркая личность, российский интеллигент, согласились шагать в строю Конгресса интеллигенции? У нас уже были съезды ударников, колхозников, зачем еще и съезды

интеллигенции? Что изменилось в судьбе России после съезда интеллигенции?

- В судьбе России ничего не могло измениться, но я - человек восторженный, и эту восторженность никак не могу в себе вот уже 75 лет погасить; она во мне живет, не знаю почему. Я вдруг подумал (не то чтобы поверил, но подумал), а что, если действительно интеллигенция сумеет объединиться, доверительно сказать друг другу что-то очень важное. А почему бы нам не собраться всем вместе и не потолковать? И в первый день все так и было: каждый говорил свое, но это свое капало в общую чашу. А на второй день пошел дележ портфелей, и это была уже советская интеллигенция. Мне стало очень не по себе.

Нужна новая интеллигенция, свободная. Интеллигент должен быть прежде всего внутренне свободным человеком. Нужно выдавить по капле из себя раба. Мы не смогли, а вы должны это сделать во что бы то ни стало. Ничего не бойтесь, никогда ничего ни у кого не просите, зарабатывайте, добивайтесь - и будете прекрасной новой русской интеллигенцией. Я верю в вас.

А. С. Запесоцкий:

- Не является ли такой строгий, суровый писатель-прозаик в глубине души романтиком и мечтателем до сих пор?

- Грешен, батюшка, грешен.

Дмитрий Герасимов, студент юридического факультета, IV курс, Санкт-Петербург:

- Не кажется ли Вам, что сегодня в белых лебедях стреляют чаще, чем до выхода Вашей книги? Считаете ли Вы, что литература и искусство вообще способны оказывать реальное влияние на нравственность общества?

- Сначала отвечу на вторую половину вопроса. Конечно, литература и искусство реально, напрямую на нравственность общества не влияют. На нравственность общества влияют папа и мама, потому что нравственность воспитывается в семье и только в семье. И огромное количество безнравственных людей появилось в России, потому что была разрушена семья. Советская власть постаралась ее разрушить, так удобнее ей было. То, что закладывается в человеке до 5-6 лет, тот стерженек нравственности и является «шпилькой», на которую наматываются «нити» ваших дальней-

ших знаний, впечатлений. Но нравственность в вас уже есть, вы уже оцениваете сами, что хорошо, а что дурно. Мой отец, пройдя три войны, никогда не ругался. Самое страшное его ругательство было «шляпа». Мама никогда не могла произнести слово «дурак», она говорила как-то по-другому, искала идиому. И я не умею ругаться, меня коробит от ругани. Я никогда в жизни не брал ничего чужого и знаю, что не возьму, потому что мне в детстве внушили: чужое брать нельзя. Я никогда в жизни не брал ничего без спроса, и сейчас всегда спрашиваю: «Можно взять?», потому что так воспитан. И должен вам сказать, будущие мамы и папы, что русская традиция воспитания заключается в слове «нельзя»: нельзя вставать без спроса, нельзя лгать, нельзя воровать, нельзя ругаться, нельзя обижать девочек, нельзя обижать слабейшего. На этом «нельзя» выросли поколения очень нравственных людей. Россия славилась своей нравственностью во всем мире. Нужно вернуться к этой нравственности, и вы вернетесь, я верю.

Елена Алешина, студентка факультета культуры, специальность - социально-культурная деятельность, I курс, Санкт-Петербург:

- *Нужно ли сейчас показывать фильмы о войне?*

- Понимаете, вместе с массой наших несчастий с нами случилось еще одно: у нас страшным образом укоротилась историческая память. У нас ее нет. Как-то раз в одной телепередаче был задан вопрос на улице какой-то девице: «Ты знаешь, что была Великая Отечественная война?». «Знаю», - говорит она, сияя. «А кто с кем воевал?». «Кажется, американцы с кем-то», - отвечает она. Вот так. Надо, надо показывать Великую Отечественную войну, чтобы видеть примеры огромной нравственности всего нашего народа в то время. Не в этом городе, одном из самых святых городов, пережившем блокаду, мне говорить об этом. Мы выиграли войну своей великой общей нравственностью, и несчастье в том, что надорвали собственную личную нравственность.

Станислав Носатов, студент факультета искусств, специальность - актерское искусство, II курс, г. Норильск:

- *Хотели бы Вы написать что-то о наших современниках? И если да, то кого бы Вы выбрали сегодняшним героем нашего времени?*

- Не могу с уверенностью вам сказать, что я стремлюсь что-нибудь написать сейчас. То есть мне хочется написать, но я понимаю, что не имею на это права по той простой причине, что сам живу в это время, «на этой картине». Чтобы писать, нужно от нее отступить, а у меня времени нет на это отступление; я не успею отойти от нее на достаточную дистанцию, чтобы увидеть всё. Что касается героев, я люблю людей незаметных. Условно говоря, очень не люблю тех, кто отталкивает ногами и локтями людей, когда лезет в трамвай, а значит, мой герой никого не толкнет, пройдет спокойно, когда настанет его очередь.

Евгения Сесина, студентка факультета культуры, специальность - журналистика, III курс, г. Якутск:

- Часто Ваши герои умирают. Как Вы трактуете саму проблему смерти? Верите ли Вы в вечную жизнь, и можем ли мы определить наше участие и участие Ваших героев в вечности? А если Вы не верите в вечность, не жалко ли Вам Ваших героев, которые умирают ?

- Мне жалко героев, которые умирают, действительно жалко, но дело в том, что я писал эти книги, ощущая вокруг себя стада слонов с толстой слоновьей шкурой. Их невозможно было пронять щекоточкой, их нужно было уколоть, потому что проникает до самого сердца только трагедия, которая, обратите внимание, совершенно исчезла с экранов наших телевизоров; ее нет, все хотят хохотать, как на пиру во время чумы. Что такое случилось с народом, у которого непредсказуемы финалы в любом произведении, будь то литература или кинематограф? Это американцы предсказуемы: ничего с героем не случится, набьет всем морды, а потом будет поцелуй в диафрагму. Ни в одном европейском фильме этого не бывает, потому что европейская древняя культура разумно сочетает смешное и трагическое, драматическое и мелодраматическое. У американцев же пока еще небогатая культура, поэтому они снимают и пишут (кроме крупных художников, конечно) стандартные вещи, клише.

Дмитрий Фирсаков, студент экономического факультета, II курс, г. Новый Уренгой:

- Есть ли у Вас внуки? Если есть, читают ли они Ваши произведения?

- Думаю, что читают, а может, не читают, бог знает.

Дмитрий Фирсаков:

- Ну, а вместе Вы их не обсуждаете?

- Да нет. Читать ведь надо всё по очереди. Наверное, прав был Лев Николаевич Толстой, который своим детям до 16-17 лет не давал читать серьезную литературу. К сожалению, молодой человек, прочитав произведение один раз, редко потом возвращается к нему. И получается, что читать-то ты читал, а ведь ничего не понял. Всё должно происходить в этом мире своевременно.

Мария Жгулева, студентка факультета культуры, специальность - социально-культурная деятельность, II курс, Санкт-Петербург:

- В конце автобиографического романа «Летят мои кони» Вы пишете: «Я всю жизнь мечтал передохнуть». Сбылась ли эта мечта?

- Нет, и слава богу. Я жив только потому, что эта мечта не сбылась. Каждое утро я встаю и сажусь за стол работать. Я это делаю и в субботу, и в воскресенье, и в праздники - всегда, если у меня нет гостей. Работать надо, тогда будет всё очень хорошо. А отдохнуть - это мечта, но пусть она пока остается мечтой.

Виктория Смолянинова, студентка юридического факультета, II курс, п. Лянтор Тюменской обл. :

- Есть ли среди Ваших произведений самое родное, любимое? Если да, то почему?

- Честно вам скажу, без всякого кокетства: на этот вопрос мне очень трудно ответить, потому что в конечном итоге родителю всегда все дети дороги, даже если они не слишком удачные. Я люблю то, что пишу, когда пишу. Когда кончаю писать и берусь за что-то следующее, я начинаю не любить то, что уже написал, то есть не то что не любить, а находить в нем недостатки, но никогда ничего не исправляю, потому что я так думал в тот момент. Зачем исправлять самого себя, если я тогда так думал? Я должен написать новое, если появились какие-то новые идеи, только и всего.

Регина Фехтнер, студентка факультета искусств, специальность - искусствоведение, I курс, Санкт-Петербург: - Будет ли продолжение Вашей исторической саги дальше, в глубь веков?

- Нет, уже не будет, потому что в романе «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт», собственно, два героя - родоначальники той линии, к которой я принадлежу. Действительно, в Военной энциклопедии есть портрет Ильи Ивановича Алексеева, генерал-майора, героя Отечественной войны 1812 года; его портрет висит в Эрмитаже. О нем я писал, поскольку Сашка - его сын, и еще потому, что Сашка любопытен тем, что он связан с Александром Сергеевичем Пушкиным. Для меня это было очень важно. Не буду вам рассказывать, в чем там дело, потому что, надеюсь, вы когда-нибудь этот роман прочитаете.

Ольга Зотова, студентка факультета культуры, специальность - журналистика, I курс, г. Сосновый Бор Ленинградской области:

- *Расскажите об истории замысла Вашего романа «В списках не значился». Как Вы относитесь к его экранизации?*

- Сразу скажу, что к экранизации отношусь плохо по одной простой причине: роман рассказывает о том, как из обычного паренька вырастает былинный герой, ушедший в легенду. Нельзя показать это за час сорок или за час тридцать минут, с боями, с мясорубками. Получается каша, и роста героя не видно, он исчезает, а для меня это было самое главное. Это первое. Второе: я восхищался подвигом защитников Брестской крепости с самого начала, как только прочел первые заметки Сергея Сергеевича Смирнова, первые очерки о Брестской крепости. Эти заметки были событием в те времена, когда мало говорили правды. Смирнов рассказал то, чего мы не знали, и это было не просто интересно, это воспринималось особенно.

Когда я впервые попал в Брестскую крепость, музей там только начинали создавать. Никаких групп экскурсантов еще не было, мрамора не было, только осколки хрустели под ногами. И, увидев это, я вдруг понял, что должен написать о Брестской крепости. Это было в 1961 году. Я сел работать над романом через десять лет и очень волновался, потому что предстояло написать книжку, пусть художественную, но вслед за ослепительными очерками Сергея Сергеевича Смирнова. Я десять лет готовился, перечитал все, что мог найти, затем поехал и сорок дней прожил в самой Брестской крепости, буквально исползал и ощупал ее всю. Не знаю, в какой

мере это удалось передать в романе, но для меня главным было показать, как из обычного нравственного паренька вырастает герой. Почему это происходит? Потому что он нравственен; из безнравственного человека может вырасти только бандит, героя из него не получится.

Екатерина Шульга, студентка факультета культуры, специальность - журналистика, I курс, г.Находка:

- Ваш любимый писатель и литературный герой в детстве?

- С детства и на всю жизнь у меня остался один любимый писатель - Чарльз Диккенс.

Екатерина Шульга:

- А герой?

- А вот герой из совершенно другого произведения - Гришка Мелехов.

Наталья Колесникова, студентка факультета культуры, специальность - социально-культурная деятельность, II курс, г. Сосновый Бор Ленинградской обл. :

- Как Вы оцениваете состояние современной российской литературы? Кто из современных писателей Вам нравится и можете ли Вы кого-то из них считать своим преемником?

- Боюсь, что на все эти вопросы я не могу ответить вам по двум причинам. Причина первая и самая главная заключается в том, что я - отшельник; живу у себя в лесничестве и никуда носа не высовываю. Для меня приезд в Петербург - событие, подвиг, который я совершил на старости лет. Я не участвую ни в тусовках, ни в презентациях нигде и никогда: это издержки времени.

Юлия Вуек, студентка юридического факультета, V курс, Санкт-Петербург:

- Надо понимать, что Борис Васильев сегодня писатель, а не читатель?

- Да, скорее писатель. И считаю, что я не вправе судить своих коллег, своих собратьев по перу. «Каждый пишет, как он дышит». Это вам судить о нас, а не нам о себе.

Юлия Вуек:

- Над чем Вы работаете в настоящее время?

- Пишу исторический роман об одной из загадок русской истории. Он называется «Ольга, королева русов». Не хочу рассказы-

вать, о чем он и почему именно такой роман я решил написать, скажу лишь, что это роман о нашем раннем Средневековье. До этого я написал роман «Вещий Олег»; «Ольга, королева русов» - вторая книга цикла.

Анна Николаева, студентка юридического факультета, I курс, Санкт-Петербург:

- В фильме «Офицеры», созданном по Вашему сценарию, есть фраза: «Есть такая профессия - Родину защищать». И синонимом глагола «защищать», нам думается, можно считать глагол «служить». Считаете ли Вы свою творческую деятельность служением Родине?

- Служением долгу, я бы сказал. Понимаете, у каждого из нас есть (во всяком случае, должно быть) ощущение долга перед своим Отечеством. Подчеркиваю слово «Отечество», потому что Отечество - это то, что под нами; это твой долг перед прошлым, перед родителями и перед детьми, которые у тебя будут или есть. Это долг во времени, и он должен присутствовать, потому что он неплатный. Ты такой потому, что тебя таким сделали, особой личной заслуги здесь нет. Просто нужно очень чутко слушать, что тебе подсказывают и куда тебя ведут. Если вокруг добрые люди, то они выведут на твердый и правильный путь; и надо не бояться ссориться с теми людьми, с которыми тебе не по дороге.

А. С. Запесоцкий (читает записку):

- Что нужно сделать России, чтобы вновь стать великой и сильной? Не стоит ли нам поискать нового Рюрика?

- Не надо искать нового Рюрика, потому что бандиты мало помогут здесь, а Рюрик, как известно, был пиратом. Дело в том, что Россия вовсе не должна ставить перед собой задачу стать великой, грозной державой, какой она была, таким пугающим монстром для всего мира. Россия должна быть сильной и благоустроенной, здесь должно житься уютно. К нам должны приезжать жить, а не от нас бежать, вот тогда мы будем великой державой. Наше величие - не в танках, что сейчас ржавеют за Уралом, и не в качестве и количестве боеголовок. Наше величие - в нравственности и в знаниях, в творческом потенциале и таланте народа. Его просто нужно беречь.

Мария Уткина, студентка факультета культуры, специальность - журналистика, I курс, Санкт-Петербург:

- Вы сказали, что Вам 75 лет; как Вам удается поддерживать такую форму?

- Никакого секрета нет. Просто я - человек режима. Я ведь на самом деле довольно скучный, наверное, человек, потому что живу по режиму. Меня так приучил отец в детстве: вставать в одно и то же время, завтракать в одно и то же время, обедать в одно и то же время, ни куска между завтраком и обедом и так далее. Спать ложусь тоже в одно и то же время. Вот и все, потому что никаким спортом я сейчас уже, естественно, не занимаюсь, хотя я кавалерист (закончил кавалерийскую школу) и десантник (у меня 7 прыжков, из них один боевой) и когда-то даже фехтованием занимался. Конечно, спорт важен, не спорю, но он легко заменяется жестким режимом.

А. С. Запесоцкий:

- Если позволите, Борис Львович, вопрос, который кажется острым. Стихи про Ваше поколение (читает записку):

Они нас выдумают мудрых,

Мы будем строги и прямы.

Они украсят и припудрят,

И все-таки прорвемся мы.

Это от молодежи. Прокомментируйте, пожалуйста, эти строки.

- А кто вам запрещает, собственно говоря, сквозь кого вы собираетесь прорываться? Проходите, ради бога. Я не вижу здесь противника. Наше поколение уже уходит со сцены, просто вы не замечаете этого. Мы не хотим, чтобы вы были похожи на нас; мы хотим, чтобы вы были лучше нас. А чтобы стать лучше, нужно работать, работать и читать все подряд. Самое главное в голове останется. Эрудиция рождается из множества знаний; интеллигент же в положительном смысле этого слова всегда дилетант, но он хорошо знает, на какой полке лежит ответ; вот и вся тайна - знать, на какой полке искать ответ. И еще: учитесь стратегически мыслить. Советская власть всех приучила, а наше поколение особенно, к системе простых решений. Это очень опасная система, очень опасная. Учитесь рассчитывать не только первый шаг, но и третий, и пятый. И чем

скорее вы сможете этому научиться, тем больше вы успеете сделать хорошего в жизни. Надеюсь, что так оно и будет.

Фотография на память в кабинете ректора СПбГУП

Мария Семенова, студентка юридического факультета, III курс, г. Мурманск:

- Уважаемый Борис Львович, что бы Вы могли пожелать нам, молодежи?

- Очень трудно желать что-то абстрактное, вроде счастья, удачи. Я бы вам пожелал усидчивости, терпения и веры в собственные силы. Всегда верьте в себя, в собственное «я» (но для этого его надо сначала в себе обнаружить). Выдержки вам, а остальное приложится. Вы сделаете то, чего не смогли сделать мы.